УДК 341
DOI: 10.12737/jrl.2021.024

Динамика изменений структуры межсистемных правовых образований в XX — начале XXI века

Б. И. Нефедов[1, 2]

[1]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, boris-nefedov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7762-5979

[2]Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия

Аннотация. С XIX в. государства для регулирования отдельных видов трансграничных общественных отношений начинают формировать межсистемные правовые образования. На протяжении XX — начала XXI в. качественные и количественные характеристики таких образований, а также их структурных элементов претерпели значительные изменения, установление которых является предметом настоящей статьи.

Цель исследования — на основе анализа динамики возникновения межсистемных правовых образований и изменений их структуры на протяжении XX — начала XXI в. выделить общие этапы их развития и определить особенности каждого из таких этапов.

Методы исследования: общенаучные и специальные, включая исторический метод, методы формальной логики, анализа, синтеза, а также системный, сравнительно-правовой методы и метод толкования.

Результаты и выводы. В XX — начале XXI в. в рамках процесса формирования государствами межсистемных правовых образований и динамики изменения их структурных элементов можно выделить три основных этапа, на каждом из которых либо возникают принципиально новые виды межсистемных образований (в рамках публично-правовой сферы), либо меняются сложившиеся принципы их формирования (фактический отказ от привлечения к регулированию соответствующих трансграничных общественных отношений норм иностранного права), либо появляются качественно новые их структурные элементы.

Ключевые слова: трансграничные правоотношения, межсистемное образование, кодексы поведения, обязательные общеорганизационные правила

Для цитирования. Нефедов Б. И. Динамика изменений структуры межсистемных правовых образований в XX — начале XXI века // Журнал российского права. 2021. № 2. С. 128—144. DOI: 10.12737/jrl.2021.024

Dynamics of Changes in the Structure of Intersystem Legal Entities in the 20th — Early 21st Century

Boris I. Nefedov[1, 2]

[1]National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, boris-nefedov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7762-5979

[2]Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. To regulate certain types of cross-border public relations, states have been forming intersystem legal entities since the 19th century. During the 20th — Early 21st century, the qualitative and quantitative characteristics of such formations, as well as their structural elements, have undergone significant changes, the establishment of which is the subject of this article.

The purpose of the study is to identify the general stages of their development and to determine the features of each of these stages based on the analysis of the dynamics of the emergence of intersystem legal entities and changes in their structure during the 20th — Early 21st century.

Research methods: general scientific and special, including the historical method, methods of formal logic, analysis, synthesis, as well as systematic, comparative legal methods and the method of interpretation.

Results and conclusions. In the 20th — Early 21st century in the context of the process of formation of intersystem legal entities and dynamics of changes in their structure elements can be divided in three main stages, each of which either arise fundamentally new types of transformations (in the framework of the public law sphere), or change the established principles of their formation (actual rejection involvement in the regulation of relevant cross-border social relations of foreign law), or appear qualitatively new structural elements.

Keywords: cross-border legal relations, intersystem legal entity, codes of conduct, mandatory corporate rules

For citation. Nefedov B. I. Dynamics of Changes in the Structure of Intersystem Legal Entities in the 20th — Early 21st Century. *Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 2, pp. 128—144. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2021.024

Трансграничные отношения[1] представляют собой общественные отношения с участием субъектов национального права, но осложненные иностранным элементом, в силу которого они выходят за пределы регулирования одного национального правопорядка. Их особенности вызвали к жизни уникальную ситуацию, когда на урегулирование тех или иных трансграничных общественных отношений стали одновременно претендовать нормы нескольких правовых систем: нормы национального права данного государства, нормы иностранного права и международно-правовые нормы. Для устранения неизбежно возникающих в такой ситуации коллизий норм права и создания условий правовой определенности государства начиная с XIX в. стали формировать межсистемные правовые образования (далее — МСО), которые включают в качестве элементов структуры как коллизионные, так и материальные нормы права всех допущенных данным государством к урегулированию соответствующих трансграничных отношений правовых систем[2].

Однако эти процессы произошли не одномоментно. Несмотря на то что межсистемные образования индивидуальны (в силу чего они не образуют какую-либо систему[3]), в истории становления и развития их структурных элементов можно выделить общие этапы и особенности. Так, к началу XX в. МСО были представлены только одним их видом — международным частным правом (МЧП) отдельных государств[4], но они уже могли вклю-

[1] Они же: международные немежгосударственные отношения; транснациональные отношения; внутригосударственные отношения, осложненные иностранным элементом; «диагональные» отношения (как разновидность).

[2] О месте МСО в системе права и правовой системе подробнее см.: *Нефедов Б. И.* Катехизис аспиранта кафедры международного права: учеб. пособие. М., 2018. С. 89—177.

[3] В лучшем случае речь может идти только об их совокупности.

[4] Хотя в отдельных случаях в его рамках речь шла о регулировании трансграничных отношений не только частноправовой сферы. В немалой степени это было связано с тем, что единичные или разрозненные нормы (как национального права, так и международно-правовых актов), направленные на урегулирование отдельных или эпизодически возникающих трансграничных общественных отношений, никак не связанных между собой и не подчиненных единым принципами правового регулирования, по нашему мнению, не могли еще создать той целостной совокупности правовых

чать в себя, кроме норм национального права соответствующего государства, нормы иностранного права, а со временем и международно-правовые нормы, создаваемые как государствами, так и международными межправительственными организациями[5] (если, конечно, это позволяли подходы к решению вопроса о соотношении международно-правового и национально-правового регулирования трансграничных общественных отношений в данном государстве).

Но на этом процессы изменения элементов структуры межсистемных образований (в силу формирования их новых видов и иных обстоятельств) не прекратились и продолжились как в XX в., так и в начале XXI в. В этих рамках, по нашему мнению, в динамике таких изменений можно выделить три основных этапа[6].

Первый этап: появление новых видов межсистемных правовых образований. Постепенное формирование государствами иных, кроме МЧП, межсистемных правовых образований происходит с начала XX в. и осуществлялось по двум основным направлениям.

Во-первых, новые МСО начинают появляться в результате выделения из МЧП и формирования в качестве самостоятельных межсистемных образований международного брачно-семейного права и международного трудового права.

Дело в том, что в конце XIX — начале XX в. в странах континентальной системы права понятие частного права постепенно утрачивает первоначальное системообразующее значение. Из когда-то единого частного права постепенно выделяются в качестве самостоятельных отраслей гражданское право, трудовое право и семейное право. Начало этому процессу положили две страны: Франция, принявшая в 1910 г. Трудовой кодекс (Code du travail), и РСФСР, в которой в 1918 г. был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве — первый в истории специальный акт национальной кодификации брачно-семейного права. К этому времени постепенно начинает формироваться и соответствующая международно-правовая составляющая. Применительно к брачно-семейным отношениям достаточно вспомнить о Гаагских конвенциях 1903—1905 гг. о браке, разводе и судебном разлучении супругов, об опеке над несовершеннолетними, а также о попечительстве над совершеннолетними, о личных и имущественных отношениях между супругами, и др. Вопросы регулирования трудовых отношений также становятся самостоятельным предметом международных договоренностей[7]. Так, в 1906 г. в Берне на ди-

предписаний, которую допустимо было бы назвать межсистемным правовым образованием, хотя и могли свидетельствовать о зарождении соответствующего МСО. Поэтому регулирование таких отношений до определенного времени и относили к МЧП.

[5] См. подробнее: *Нефедов Б. И.* Динамика изменений структуры межсистемных правовых образований в XIX веке // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 131—147.

[6] Выделение таких этапов, даже в случае, когда речь идет об их привязке к конкретным историческим вехам в виде того или иного правового акта или события, в силу того, что соответствующие процессы носили именно эволюционный характер, является достаточно условным. Дело в том, что в недрах каждого из таких этапов всегда зарождаются и накапливаются характеристики этапа последующего, которые, достигнув «критической массы», создают прорыв в виде изменения подходов к возможностям, видам и формам правового регулирования как общественных отношений вообще, так и трансграничных общественных отношений, в частности.

[7] Подробнее см.: *Кравченко Н. Н.* Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г. Томск, 1913. С. 1—15; *Рейхесберг Н.* Между-

пломатической конференции были приняты две первые международные конвенции по международному трудовому праву: Конвенция о регулировании ночного труда женщин[8] и Конвенция о прекращении использования белого фосфора в производстве спичек[9] (фосфор вызывал серьезные заболевания у работников). Эти конвенции были ратифицированы почти всеми ведущими державами Европы. В этот период появляются и первые конвенции, направленные непосредственно на защиту интересов иностранных рабочих[10]. Активно работала по соответствующим вопросам и созданная в 1919 г. Международная организация труда[11].

Как следствие, в качестве самостоятельных межсистемных образований начинают зарождаться международное гражданское право (которое рассматривается как своеобразный «продолжатель»[12] МЧП), международное трудовое право и международное семейное право.

В то же время в странах англосаксонской системы права, где выделение отраслей права даже до настоящего времени, если и имеет место, то всегда носит достаточно условный характер, прежние подходы в значительной степени сохранились[13].

В доктрине до сих пор ведутся споры о том, являются ли международное трудовое, международное семейное и международное гражданское право самостоятельными межсистемными образованиями или, в силу их частноправовой природы, их следует рассматривать исключительно в качестве структурных единиц (отраслей) более общего понятия — международного частного права. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим, что в основе формирования межсистемных образований всегда лежит сложившаяся в каждом государстве система его национального права, и если в праве данной страны существуют в качестве самостоятельных отраслей права гражданское, семейное и трудовое право, то нет оснований отрицать возможность существования и соответствующих МСО. При этом важно иметь в виду, что выделение на уровне национального права в качестве его самостоятельных отраслей гражданского, семейного и трудового права ни в коей мере не сказалось на их общей частноправовой природе, в связи с чем возможно их одновременное рассмотрение в качестве отраслей национального права в целом и части частного права этого же государства (поскольку данная часть все-таки является более общим по отношению к ним структурным элементом этого же национального права). Существование таких отраслей в рамках более крупного элемента системы

народное фабричное законодательство: популярный очерк. Харьков, 1905. 72 с.

[8] International Convention Respecting the Prohibition of Night Work for Women in Industrial Employment.

[9] Berne Convention of 1906, on the Prohibition of the Use of White Phosphorus in the Manufacture of Matches.

[10] Так, Д. Киган приводит в качестве примера франко-итальянское соглашение 1904 г., гарантирующее равные условия труда и социальной защиты местным и иностранным рабочим в приграничных районах. См.: *Киган Д.* Первая мировая война. М., 2002. С. 23.

[11] Уже на первой Международной конференции труда МОТ (октябрь 1919 г.) было принято шесть конвенций и шесть рекомендаций. До 1939 г. МОТ было принято 67 конвенций и 66 рекомендаций, которые в 1939 г. были опубликованы под общим названием «Международный трудовой кодекс». Правда, в учебниках по советскому трудовому праву эта организация, как правило, вообще не упоминалась.

[12] Здесь можно провести определенную параллель с понятием континуитета.

[13] Но это не помешало им даже издавать учебники по отраслевым дисциплинам, в том числе констатирующие формирование межсистемных образований. См., например: *Fick B. J.* International Labour Law. Cheltenham, 2016. 904 p.

права не означает отрицания возможности формирования на их основе и межсистемных образований. Одно не исключает другое. Это вопрос выбора, обусловленного теми или иными возникающими потребностями науки или практики.

Другое дело, что конкретные исторические условия формирования таких межсистемных образований, а также субъективные и политические факторы, существующие в том или ином государстве, могут в значительной степени способствовать сохранению ранее возникших догматов. Так, принятие в РСФСР ни Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., ни Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г., ни Кодекса законов о труде РСФСР 1918 г., ни Кодекса законов о труде РСФСР 1922 г., фактически «оформивших» существование семейного и трудового права в качестве самостоятельных отраслей советского права[14], никаких подвижек в формировании на их базе межсистемных образований не повлекло. Дело в том, что все эти нормативные правовые акты не предусматривали возможности применения даже иностранного права для регулирования соответствующих отношений, не говоря уже о нормах международных договоров.

И только в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г. предусматривается возможность применения норм иностранных законов и международных договоров при регулировании брачно-семейных отношений. В дальнейшем этот подход находит закрепление в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. Но при этом ни Основы, ни указанный Кодекс не содержали ни одной двусторонней коллизионной нормы, что вело к одностороннему регулированию брачно-семейных отношений с участием иностранцев[15]. Такие нормы, определяющие выбор права, применимого к брачно-семейным отношениям, связанным с иностранным правопорядком, нашли закрепление только с принятием Семейного кодекса Российской Федерации в 1995 г., хотя и здесь не обошлось без проблем[16].

Что касается трудового права, то в Кодексе законов о труде 1971 г. (ст. 4) говорилось только о том, что «законодательство Российской Федерации о труде состоит из настоящего Кодекса и иных актов трудового законодательства Российской Федерации и республик в составе Российской Федерации». Иными словами, ни нормы иностранного права, ни нормы международных договоров при этом также не упоминались. В то же время в Трудовом кодексе РФ 2001 г. содержится уже и общая формулировка о применении норм международных договоров (ст. 10) и говорится о возможности применения норм иностранного права в тех случаях, когда это предусмотрено «федеральными законами или международными договорами Российской Федерации» (ч. 5 ст. 11, ст. 327[1]). Но ни в том, ни в другом нормативном правовом акте не было ни одной двусторонней коллизионной нормы.

Правда, ситуацию частично начинают исправлять международные договоры. В качестве типичного примера их формулировок приведем ст. 44 Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых от-

[14] До 1917 г. в России общие положения личного найма были закреплены в гражданском законодательстве и составляли предмет изучения гражданского права.

[15] Подробнее см.: *Федосеева Г. Ю.* Брачно-семейные отношения как объект международного частного права Российской Федерации. М., 2006. С. 71—72.

[16] Подробнее см.: *Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С.* Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 92—110.

ношениях по гражданским и уголовным делам 1996 г. В части 1 указанной статьи оговаривается право сторон трудового договора выбрать законодательство, регулирующее их трудовые отношения, а если оно оказалось не выбрано, то, согласно ч. 2 этой же статьи, возникновение, изменение, прекращение (расторжение) трудового договора и вытекающие из него претензии регулируются законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой выполняется, выполнялась или должна была выполняться работа. Нормы таких договоров являются самоисполнимыми, однако сами такие договоры появились в практике нашего государства только с 1957 г. Неслучайно вопрос о существовании международного трудового права (да и то в качестве отрасли международного права) в советской доктрине стал подниматься только с середины 1960-х гг.[17]

Такой подход в течение длительного периода не способствовал формированию взглядов на существование международного семейного права и международного трудового права в СССР, а затем и в Российской Федерации, как самостоятельных межсистемных образований. Тем не менее как в России, так и за ее рубежом отношение к этому вопросу постепенно начинает меняться[18].

Применительно к международному трудовому праву необходимо учитывать еще одно обстоятельство. Несмотря на то что относительно развитое трудовое законодательство в передовых странах Запада появилось уже во второй половине XIX в., до сих пор во многих из них (США, Великобритания, Италия, Япония, Бельгия, Нидерланды, ФРГ) нет кодексов законов о труде. Соответствующие вопросы регулируются отдельными законами. При этом в странах общего права среди таких источников долгое время (в США до 1930-х гг., а в Великобритании до 1960-х гг.) доминировали даже не законы, а коллективные договоры. Кроме того, в этих государствах трудовое право как самостоятельная отрасль национального права вообще до сих пор отсутствует[19]. Полагаем, что эти обстоятельства, пусть и косвенно, отразились на признании международного трудового права в качестве самостоятельного межсистемного образования.

Во-вторых, новые МСО начинают возникать в результате появления межсистемных образований за пределами частноправовой сферы, т. е. на базе отдельных отраслей публичного права. К таким МСО следует отнести международное налоговое право, международное таможенное право, международное финансовое право, международное уголовное право, международный процесс и др.

Формирование подобных межсистемных образований не привнесло ничего принципиально нового в эту процедуру. Дело в том, что подобно эмбриону, повторяющему в своем

[17] См.: *Иванов С. А.* Проблемы международного регулирования труда. М., 1964. С. 102.

[18] См.: *Гетьман-Павлова И. В.* Коллизионное регулирование в международном частном трудовом праве // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2008. № 1 (1). С. 107—114; *Бекяшев Д. К.* Международное трудовое право: учеб. пособие. М., 2008. 336 с.; *Bronstein A. S.* International and Comparative Labour Law. Current Challengers. Palgrave Macmillan. International Labour Organization, 2009. 285 p.; *Мръчков В.* Международное трудовое право. София, 2000. (На болг. яз.); *Анцух Н. С.* Сравнительное и международное семейное право: учеб. пособие. Минск, 2015. 254 с.; *Baarsma N. A.* The Europeanization of international family law. Hague, 2011. 341 p.

[19] Например, в США Labor law (коллективное трудовое право) и Employment law (индивидуальное трудовое право) составляют подотрасль предпринимательского права.

развитии весь пройденный путь эволюции своего вида, каждое новое МСО в той или иной степени повторяет в ходе своего становления и формирования основные стадии эволюции изменения их структуры, что уже проявилось в предшествующие периоды. Так, первое по времени возникновения межсистемное образование — международное частное право — прошло следующие стадии такой эволюции: вначале (на этапе зарождения МСО) — регулирование соответствующего вида трансграничных общественных отношений исключительно национальным правом данного государства, далее — появление двусторонних коллизионных норм, предусматривающих возможность применения для регулирования соответствующих отношений отдельных норм иностранного права, затем — появление в качестве структурного элемента МЧП норм первых двусторонних международных договоров, заключаемых отдельными государствами а затем — многосторонних договоров, направленных в том числе на унификацию и даже кодификацию соответствующих правовых норм как национального, так и международно-правового характера. Наконец, — появление в качестве структурного элемента этого межсистемного образования международно-правовых норм, разработанных в рамках международных межправительственных организаций.

Теперь сравним эти стадии со стадиями формирования и развития, например, международного налогового права.

Нет сомнения в том, что национальное налоговое законодательство фактически возникло с момента возникновения государств. Оно состояло исключительно из норм национального права, хотя и могло включать отдельные «вкрапления» из заключаемых государствами международных договоров, для которых эти нормы не являлись основными. Поэтому сразу перейдем в XIX в., когда началось целенаправленное заключение международных налоговых соглашений. Первые такие соглашения были заключены Бельгией (в 1843 г. — с Францией, а в 1845 г. — с Нидерландами и Люксембургом), которые касались устранения двойного налогообложения наследуемого имущества физических лиц, а также устанавливали порядок взаимодействия и обмена налоговой информацией налоговых служб[20]. Ориентированными на более широкое устранение двойного налогообложения были заключенные в 1869 и 1870 гг. соглашения о прямых налогах между Пруссией и Саксонией[21]. Но наиболее близкими по содержанию к современным нам соглашениям по указанному вопросу были договоры об устранении двойного налогообложения, заключенные Австро-Венгрией в 1895 г. с Польшей, и в 1899 г. с Пруссией[22]. С этого времени заключение таких договоров получает довольно широкое распространение. Так, Е. Я. Сорокина отмечает, что «с 1899 по 1919 гг. в мире были подписаны 24 налоговые конвенции, из которых одна касалась вопросов взаимной административной помощи в налоговых вопросах»[23]. После Первой мировой войны массив таких договоров еще более вырос. Достаточно сказать, что с 1922 по 1939 г. между странами Центральной и Северной Европы были подписаны 69 таких соглашений[24]. При этом появляются первые многосторонние налоговые соглашения. Так, в 1922 г. было подписано многостороннее на-

[20] См.: *Погорлецкий А. И.* Международное налогообложение: учебник. СПб., 2006. С. 40.

[21] См.: *Кашин В. А.* Налоговые соглашения России. Международное налоговое планирование для предприятий. М., 1998. С. 147.

[22] См.: *Сорокина Е. Я.* Основы международного налогового права. М., 2000. С. 60.

[23] *Cartou L.* Droit fiscal international et européen. 2 éme ed. Paris, Dalloz, 1981. P. 107.

[24] См.: *Погорлецкий А. И.* Указ. соч. С. 42.

логовое соглашение между Италией, Австрией, Венгрией, Польшей, Румынией и Югославией[25].

К этому периоду относится и заключение иных видов соглашений, касающихся правового регулирования общественных отношений в налоговой сфере, например — по согласованному снижению уровня налогообложения отдельных товаров, по принудительному взысканию налоговых платежей, начисленных и подлежащих уплате в другом договаривающемся государстве[26], и др. Для проведения единой таможенной политики начинают создаваться таможенные союзы[27].

Международное сотрудничество в области налогообложения постепенно становится важным элементом в решении задач развивающейся мировой торговли и потому не могло пройти мимо внимания наиболее авторитетной международной организации того периода — Лиги Наций. Первоначально эти проблемы исследовались под эгидой ее Финансового комитета, в рамках работы которого, в частности, были подготовлены типовые двусторонние конвенции об устранении двойного налогообложения в сфере прямых налогов, устранении двойного обложения налогами на наследства, об оказании взаимной помощи по налоговым вопросам, оказании правовой помощи при взимании налогов. Их текст был одобрен на совещании правительственных экспертов из 27 стран, проведенном в Женеве в 1928 г. В 1929 г. в рамках Лиги Наций уже создается самостоятельный Налоговый комитет, который также разработал ряд типовых конвенций по устранению двойного налогообложения доходов (проект многосторонней Конвенции о распределении доходов предприятий между государствами в целях налогообложения), наследств и административной взаимопомощи налоговых органов. Таким образом, был запущен процесс международной унификации норм международного налогового права в рамках международных организаций[28].

Как видим, общая канва возникновения и развития МСО при формировании международного налогового права сохранилась. Более того, для каждого из иных межсистемных образований, возникавших на базе правовых отраслей публично-правовой сферы, несмотря на то что они, конечно же, прошли собственный путь эволюции, указанные общие этапы динамики изменений их структуры оставались такими же. Тогда почему мы выделяем появление подобных межсистемных образований, говоря об этапах изменения структуры МСО в целом?

Дело в том, что сложившиеся принципы формирования структуры межсистемных правовых образований при появлении и развитии МСО на основе публичных отраслей права все-таки претерпели существенное изменение, которое выразилось в отказе от привлечения норм иностранного права для регулирования соответствующих трансграничных общественных отношений. Это объясняется тем, что нормы иностранного публичного права (уголовного, административного, налогового, процессуального и др.) по общему правилу экстерриториальным эффектом, т. е. способностью действовать на территории другого государства, не обладают. Иное возможно лишь в порядке ис-

[25] См.: *Хуммель Р., Козлов Е. Ю.* История международного налогового права // Финансовое право зарубежных стран: сб. науч. трудов / под общ. ред. *Г. П. Толстопятенко.* М., 2001. С. 52.

[26] См.: *Tixier G., Gest G.* Droit fiscal international. Paris, 1985. P. 445—455.

[27] Подробнее см.: *Меркулов Е. С., Таранчук И. В.* Международное сотрудничество в сфере налогообложения и основы международного налогового права. Петропавловск-Камчатский, 2004. С. 154.

[28] Подробнее см.: *Шахмаметьев А. А.* Международное налоговое право. М., 2014. С. 526—532.

ключения и только в форме учета таких особенностей иностранного законодательства в публично-правовой сфере, с которыми государства в своих собственных интересах вынуждены считаться.

Такие исключения могут находить отражение как в международных договорах, так и в национальном праве. Так, Договоры о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам часто допускают при исполнении иностранных судебных поручений возможность применения иностранного процессуального права. В качестве подобного примера в национальном законодательстве приведем формулировку п. 8 ст. 25[15] «Порядок учета прибыли контролируемой иностранной компании при налогообложении» Налогового кодекса РФ: «Если по итогам периода, за который в соответствии с личным законом такой компании составляется финансовая отчетность за финансовый год, у иностранной организации отсутствует возможность распределения прибыли... по причине установленной личным законом такой организации обязанности направления этой прибыли на увеличение уставного капитала и (или) формирование обязательных резервов, если обязанность по формированию таких резервов предусмотрена законодательством иностранного государства, такая прибыль не учитывается при определении налоговой базы у налогоплательщика — контролирующего лица».

Таким образом, в структуре межсистемных образований, сформированных на основе публичных отраслей национального права, иностранное право практически отсутствует. Отдельные исключения при этом только подтверждают это правило.

Второй этап: появление в структуре межсистемных образований «самоисполнимых» норм международных договоров. В течение XX в. (особенно со второй его половины) широкое распространение получает практика заключения так называемых самоисполнимых договоров[29], за нормами которых (частью норм) в ряде государств стала признаваться способность непосредственного наделения субъектов регулируемых трансграничных общественных отношений правами и обязанностями. Это все те же соглашения об устранении двойного налогообложения, договоры о правовой помощи, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. и др.

В научной литературе во второй половине прошлого века этот феномен начинает привлекать все большее внимание. Правда, для обозначения таких самоисполнимых норм и сегодня применяется разная терминология. Так, в доктрине США, как правило, применяется понятие self-executing[30], среди специалистов в области европейского права (в соответствии с терминологией, применяемой Европейским судом справедливости) более распространены термины «непосредственное применение» (direct application), «непосредственное действие» или «прямой эффект» (direct effect)[31], «непосредственная применимость» (direct applicability)[32], «самоисполнимые нормы международного права» (provisions of international

[29] Использование термина «самоисполнимый» договор (self-executing treaties) применительно к договорам, содержащим самоисполнимые нормы, является довольно спорным (не все их нормы могут быть самоисполнимыми), однако в силу его большой распространенности в рамках настоящей статьи его применение представляется допустимым.

[30] См.: *Зивс С. Л.* Источники права. М., 1981. С. 225.

[31] См.: *Craig P., De Burca G.* EU Law: Text, Cases, and Materials. 4th ed. Oxford, 2011. P. 199—218.

[32] См.: *Winter J. A.* Direct applicability and direct effect: Two distinct and different concepts in Community law // Common Market Law Review. 1972. Vol. 9. P. 425.

law)[33]. Близким по значению является и термин «обязательные для всех лиц» (binding on all persons), использованный, в частности, при переводе на английский язык Конституции Нидерландов[34].

Среди наиболее значимых условий самоисполнимости международно-правовых норм можно выделить следующие:

1) государство должно санкционировать возможность для норм обязательных для него международных договоров выступать в качестве непосредственных регуляторов трансграничных общественных отношений. Так, в Англии, Австралии, Канаде, Израиле, ЮАР, Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии нормы международных договоров вообще не могут выступать в этом качестве, поскольку исходя из национального права не могут иметь в них непосредственной силы. В этих государствах (с неизбежными в таких случаях процессуальными вариациями) одновременно с направлением на ратификацию в парламент самоисполнимого международного договора правительство передает в него и соответствующие национальные законопроекты, которые фактически и осуществляют постатейную имплементацию договорных норм;

2) международный договор не должен исключать возможности непосредственного участия его норм в регулировании соответствующих трансграничных общественных отношений. Так, если в договоре сказано о необходимости издания национального акта для реализации договорных норм или устанавливается зависимость их реализации от принятия мер государственно-управленческого или административно-организационного характера, то нет оснований говорить о самоисполнимости его норм (части его норм, в отношении которых установлены указанные ограничения);

3) такие нормы международных договоров должны быть в достаточной мере детализированы, чтобы их использование в качестве регуляторов общественных отношений было возможным;

4) самоисполнимые нормы международных договоров должны регулировать отношения с участием частных лиц[35]. Таким образом, самоисполнимые международно-правовые нормы оказались направленными на регулирование различных видов именно трансграничных общественных отношений. При этом не возникает вопрос о самоисполнимости норм тех международных договоров, которые обращены исключительно к участвующим в договоре государствам.

Но даже при наличии всех этих условий окончательное решение о самоисполнимости или несамоисполнимости данных международно-правовых норм принимается каждым из участвующих в договоре государств самостоятельно.

В Советском государстве самоисполнимые нормы долгое время не привлекали к себе внимания ни законодателя, ни доктрины. В основном это было связано с незначительной соответствующей договорной практикой. Достаточно сказать, что до 1957 г. СССР заключил всего один такой договор (по налоговым вопросам — 12 октября 1925 г. с Германией). Ситуация коренным образом изменилась, когда (с 1957 г.) Советским государством стали за-

[33] См.: *Leary V. A.* International labour conventions and national law: the effectiveness of the automatic incorporation of treaties in national legal systems. London, 1982. P. 55.

[34] См.: *Баархорн Б.* Соотношение международного и внутреннего права в Нидерландах // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1996. № 1. С. 6—11.

[35] См.: Secretariat memorandum Prepared by the Directorate General of Legal Affairs. Expression of consent by states to be bound by a treaty. Part I: Analytical report. Strasbourg, 23 January 2001. P. 80. URL: https://rm.coe.int/168004ad95 (дата обращения: 26.07.2019).

ключаться многочисленные договоры о правовой помощи, а затем (с 1976 г.) — соглашения об устранении двойного налогообложения. Правда, следует признать, что советская наука теории международного права во многом оказалась не готовой к объяснению нового феномена правовой действительности.

В постсоветский период российское законодательство восприняло достаточно широко распространенную концепцию деления международных договоров (договорных норм) на самоисполнимые и несамоисполнимые (non-self-executing). Так, согласно п. 3 ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» «положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно». При этом сегодня Россия является участником значительного массива подобных договоров[36].

Таким образом, полагаем, что с появлением самоисполнимых норм международных договоров (несмотря на противоречивую национальную практику их применения) в структуре межсистемных образований также произошли существенные изменения, которые следует рассматривать в качестве элемента ее динамики в целом.

Третий этап: появление в качестве структурного элемента отдельных видов межсистемных правовых образований, санкционированных нормами международного права корпоративных норм. К началу XXI в. в регулировании трансграничных отношений проявилось много новых тенденций. Выделяются все новые виды трансграничных отношений (международной экономической помощи, международные инвестиционные отношения; международные миграционные отношения; отношения в области защиты прав человека и основных свобод и т. д.), для регулирования которых формируются самостоятельные межсистемные образования. Ведущей тенденцией в национальном правовом регулировании трансграничных частноправовых отношений становится принятие отдельных комплексных законов о МЧП, причем не только в Европе (Австрия, Албания, Венгрия, Италия, Польша, Румыния, ФРГ, Швейцария и др.), но и в Азии (Южная Корея, Япония), Америке (Венесуэла, штат Луизиана в США), Африке (Тунис) и др. В международном праве акцент все более делается на унификацию не коллизионных, а материальных норм и замену жестких коллизионных формулировок на более гибкие (использование принципов наиболее благоприятного права, наиболее тесной связи регулируемых отношений с правом того или иного государства, автономии воли сторон и др.).

К этому времени формируется система интеграционных международных организаций в Европе, Азии и Океании, Африке, Северной Америке, Латинской Америке и Карибском бассейне, и, как результат этих процессов, происходит формирование права интеграционных объединений, занявшего значительное место в международно-правовом регулировании трансграничных общественных отношений. Отметим и все возрастающую роль источников так называемого мягкого права (деклараций, типовых модельных правил, программ, стратегий и др.), которые хотя и не содержат норм права, но оказывают большое влияние на формирование общественного правопонимания, создают предпосылки для формирования на их основе правовых норм в будущем.

[36] В частности, Россия участвует в более 60 договорах о правовой помощи, в более 80 договорах об устранении двойного налогообложения и т. д.

Кроме того, широкое распространение получает формирование МСО, которые перестают вписываться в представления о них как о структурах, основанных на системе национального права. Так, в Докладе исследовательской группы Комиссии международного права «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права»[37] прямо отмечается, что «фрагментация международного социального мира приобретает юридическое значение в силу того, что она сопровождается появлением специализированных и (относительно) автономных норм или комплексов норм, правовых институтов и сфер юридической практики. Что когда-то казалось регулируемым "общим международным правом", стало сферой действия таких специализированных систем, как "торговое право", "право в области прав человека", "экологическое право", "морское право", "европейское право", и даже таких узкоспециализированных форм знания, как "инвестиционное право" или "международное право беженцев", — каждое из которых обладает своими собственными принципами и институтами»[38].

Всех изменений не перечесть. Однако в структуру элементов межсистемных правовых образований все они не привнесли ничего нового, а природа норм международного и национального права, входящих в их состав, оставалась прежней.

В начале XXI в. эта ситуация изменилась в связи с появлением и широким распространением Интернета и возникновением проблемы управления им со стороны частных компаний[39], постановкой вопроса о существовании «альтернативных» способов формирования так называемых кибернорм[40], «гибридном характере» регулирования Интернета[41] и др. Особенно много проблем оказалось связано с возникновением новых видов трансграничных общественных отношений[42], в частности с урегулированием трансграничной передачи персональных данных. Дело в том, что в качестве регулирующих такие отношения правовых норм начинают активно применяться корпоративные нормы юридических лиц, вовлеченных в обработку таких данных, которые, будучи санкционированными нормами международного права[43], а иногда и национального права[44], стали выступать в качестве

[37] A/CN.4/L.682 13 April 2006. URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/chp12.pdf (дата обращения: 20.04.2020).

[38] Там же. Пункт 243.

[39] См.: *Mueller M., Badiei F.* Governing Internet Territory: ICANN, Sovereignty Claims, Property Rights and Country Code Top Level Domain Names // Columbia Science & Technology Law Review. 2017. Vol. XVIII. P. 452; *Raustiala K.* Governing the Internet // American Journal of International Law. 2016. Vol. 110 (3). P. 16—33; *Mueller M.* The IANA Transition and the Role of Governments in Internet Governance // IP Justice Journal: Internet Governance and Online Freedom Publication Series. 15 September 2015.

[40] См.: *Finnemore M., Hollis D. B.* Constructing Norms for Global Cybersecurity // The American Journal of International Law. 2016. Vol. 110. No. 3. P. 478.

[41] См.: *Weitzenboeck E. M.* Hybrid net: the regulatory framework of ICANN and the DNS // International Journal of Law and Information Technology. 2014. Vol. 22. Iss. 1. P. 60—64.

[42] См. подробнее: *Касенова М. Б.* Правовое регулирование трансграничного функционирования и использования интернета: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 19—20.

[43] См.: *Duncan B. H.* Why State Consent Still Matters — Non-State Actors, Treaties, and the changing sources of international law // Berkeley Journal of International Law. 2005. Vol. 23. No. 1. P. 137—174.

[44] См.: *Истомин Н. А.* Признание государствами правомерности деятельности ICANN по управлению адресным пространством Интернета // Международный правовой

юридически обязательных норм соответствующей правовой системы[45].

Начало этому процессу положило принятие 24 октября 1995 г. в рамках ЕС Директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных[46], в которой (в ст. 26, 27, 61) уже говорилось о возможности составления такими юридическими лицами кодексов поведения общения в сети для того, чтобы облегчить применение указанной Директивы, в том числе на национальном уровне.

Следующим звеном появления нового элемента в структуре межсистемных образований стал Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета «О защите физических лиц относительно обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент по защите персональных данных)» от 27 апреля 2016 г. Положения этого Регламента, в отличие от Директивы 95/46/ЕС, подлежат непосредственному применению[47]. В параграфе 9 ст. 40 Регламента предусмотрено право Еврокомиссии придавать таким кодексам поведения (т. е. корпоративным нормам) юридическую силу в рамках Союза. Кроме того, такую же силу стали придавать и так называемым общеорганизационным правилам — внутренним корпоративным правилам для трансграничной передачи данных внутри транснациональных компаний. Так, на основании ст. 47 Регламента «Компетентный надзорный орган... должен утвердить юридически обязывающие корпоративные правила...», а «Европейская комиссия может установить формат и процедуры для обмена информацией относительно юридически обязывающих корпоративных правил в значении настоящей Статьи между контролерами, обрабатывающими данные лицами и надзорными органами».

Таким образом, к регулированию трансграничных общественных отношений, связанных с защитой персональных данных при их трансграничной передаче, европейскими государствами стали допускаться многочисленные нормы корпоративного права («общеорганизационные правила» и «кодексы поведения»), которые стали приобретать, в силу санкции со стороны европейского права, силу и обязательность правовых норм[48].

Выводы. Для регулирования отдельных видов трансграничных общественных отношений начиная с XIX в. государства (на базе собственного национального права) формируют межсистемные правовые образования, которые могут включать в себя, кроме норм национального права соответствующего государства, нормы иностранного права, а также международно-пра-

курьер: электронное сетевое издание. 2020. № 1 (16). С. 17—20.

[45] См.: *Duncan B. H.* Why State Consent Still Matters — Non-State Actors, Treaties, and the changing sources of international law // Berkeley Journal of International Law. 2005. Vol. 23. No. 1. P. 137—174.

[46] Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data.

[47] Согласно ст. 288 Договора о функционировании ЕС «регламент является обязательным во всей своей полноте и применяется непосредственно во всех государствах-членах».

[48] По состоянию на май 2018 г. в ЕС утверждено 134 общеобязательных организационных правила таких компаний-гигантов (своих отраслей), как Airbus, BMW, CISCO, Citigroup, BP, Maersk Group, JPMC, Siemens Group и др. URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection/international-dimension-dataprotecti-on/binding-corporate-rulesbcr_en#listofcompanies (дата обращения: 16.01.2020).

вовые нормы. По содержанию такие образования в каждом государстве индивидуальны, но в процессе формирования их структурных элементов, с долей условности, допустимо выделить некоторые общие этапы их становления и развития.

В динамике изменения видов и структуры МСО в XX — начале XXI в. можно выделить три этапа. На первом этапе происходит формирование на базе МЧП новых межсистемных образований и одновременно с этим возникают первые межсистемные образования в публично-правовой сфере. МЧП перестает быть единственным межсистемным образованием. Изменение структуры межсистемных образований, регулирующих трансграничные общественные отношения публично-правовой сферы, в целом происходит в том же порядке, в каком происходило изменение структуры МЧП, за одним исключением. В силу того что нормы иностранного публичного права по общему правилу не обладают способностью действовать на территории другого государства, в процессе формирования межсистемных образований этой группы практически отсутствовало (как этап) привлечение к регулированию соответствующих трансграничных общественных отношений норм иностранного права.

Второй этап характеризуется тем, что во многих государствах стали допускать к непосредственному регулированию трансграничных общественных отношений так называемые самоисполнимые международно-правовые нормы, особенностью которых является то, что они непосредственно наделяют субъектов регулируемых трансграничных отношений правами и обязанностями.

И, наконец, на исторически последнем третьем этапе изменений структуры межсистемных образований к регулированию трансграничных общественных отношений, возникающих в условиях использования Интернета, в ряде государств стали допускаться корпоративные нормы юридических лиц, вовлеченных в обработку персональных данных, которым, в силу их официального санкционирования со стороны международно-правовых норм (а иногда и норм национального права), стала придаваться сила и обязательность норм корреспондирующей правовой системы. В результате в соответствующих МСО появились качественно новые структурные элементы.

Список литературы

Baarsma N. A. The Europeanization of international family law. Hague, 2011. 341 p.

Bronstein A. S. International and Comparative Labour Law. Current Challengers. Palgrave Macmillan. International Labour Organization, 2009.

Cartou L. Droit fiscal international et européen. 2 éme ed. Paris, Dalloz, 1981.

Craig P., De Burca G. EU Law: Text, Cases, and Materials. 4th ed. Oxford, 2011.

Duncan B. H. Why State Consent Still Matters — Non-State Actors, Treaties, and the changing sources of international law // Berkeley Journal of International Law. 2005. Vol. 23. No. 1.

Fick B. J. International Labour Law. Cheltenham, 2016. 904 p.

Finnemore M., Hollis D. B. Constructing Norms for Global Cybersecurity // The American Journal of International Law. 2016. Vol. 110. No. 3.

Leary V. A. International labour conventions and national law: the effectiveness of the automatic incorporation of treaties in national legal systems. London, 1982.

Mueller M. The IANA Transition and the Role of Governments in Internet Governance // IP Justice Journal: Internet Governance and Online Freedom Publication Series. 15 September 2015.

Mueller M., Badiei F. Governing Internet Territory: ICANN, Sovereignty Claims, Property Rights and Country Code Top Level Domain Names // Columbia Science & Technology Law Review. 2017. Vol. XVIII.

Raustiala K. Governing the Internet // American Journal of International Law. 2016. Vol. 110 (3).

Secretariat memorandum Prepared by the Directorate General of Legal Affairs. Expression of consent by states to be bound by a treaty. Part I: Analytical report. Strasbourg, 23 January 2001.

Tixier G., Gest G. Droit fiscal international. Paris, 1985.

Weitzenboeck E. M. Hybrid net: the regulatory framework of ICANN and the DNS // International Journal of Law and Information Technology. 2014. Vol. 22. Iss. 1.

Winter J. A. Direct applicability and direct effect: Two distinct and different concepts in Community law // Common Market Law Review. 1972. Vol. 9.

Анцух Н. С. Сравнительное и международное семейное право: учеб. пособие. Минск, 2015.

Баархорн Б. Соотношение международного и внутреннего права в Нидерландах // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1996. № 1.

Бекяшев Д. К. Международное трудовое право: учеб. пособие. М., 2008.

Гетьман-Павлова И. В. Коллизионное регулирование в международном частном трудовом праве // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2008. № 1 (1).

Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1.

Зивс С. Л. Источники права. М., 1981.

Иванов С. А. Проблемы международного регулирования труда. М., 1964.

Истомин Н. А. Признание государствами правомерности деятельности ICANN по управлению адресным пространством Интернета // Международный правовой курьер: электронное сетевое издание. 2020. № 1 (16).

Касенова М. Б. Правовое регулирование трансграничного функционирования и использования интернета: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

Кашин В. А. Налоговые соглашения России. Международное налоговое планирование для предприятий. М., 1998.

Киган Д. Первая мировая война. М., 2002.

Кравченко Н. Н. Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г. Томск, 1913.

Меркулов Е. С., Таранчук И. В. Международное сотрудничество в сфере налогообложения и основы международного налогового права. Петропавловск-Камчатский, 2004.

Мръчков В. Международное трудовое право. София, 2000. (На болг. яз.)

Нефедов Б. И. Динамика изменений структуры межсистемных правовых образований в XIX веке // Журнал российского права. 2020. № 5.

Нефедов Б. И. Катехизис аспиранта кафедры международного права: учеб. пособие. М., 2018.

Погорлецкий А. И. Международное налогообложение: учебник. СПб., 2006.

Рейхесберг Н. Международное фабричное законодательство: популярный очерк. Харьков, 1905.

Сорокина Е. Я. Основы международного налогового права. М., 2000.

Федосеева Г. Ю. Брачно-семейные отношения как объект международного частного права Российской Федерации. М., 2006.

Хуммель Р., Козлов Е. Ю. История международного налогового права // Финансовое право зарубежных стран: сб. науч. трудов / под общ. ред. Г. П. Толстопятенко. М., 2001.

Шахмаметьев А. А. Международное налоговое право. М., 2014.

References

Antsukh N. S. Comparative and international family law. Minsk, 2015. 254 p. (In Russ.)

Baarkhorn B. Correlation of international and domestic law in the Netherlands. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*, 1996, no. 1, pp. 6—11. (In Russ.)

Baarsma N. A. The Europeanization of international family law. Hague, 2011. 341 p.

Bekyashev D. K. International Labor Law. Moscow, 2008. 336 p. (In Russ.)

Bronstein A. S. International and Comparative Labour Law. Current Challengers. Palgrave Macmillan. International Labour Organization, 2009. 285 p.

Cartou L. Droit fiscal international et européen. 2éme ed. Paris, Dalloz, 1981. 280 p.

Craig P., De Burca G. EU Law: Text, Cases, and Materials. 4th ed. Oxford, 2011. 1155 p.

Duncan B. N. Why State Consent Still Matters — Non-State Actors, Treaties, and the changing sources of international law. *Berkeley Journal of International Law*, 2005, vol. 23, no. 1. Pp. 137—174.

Fedoseeva G. Yu. Marriage and family relations as an object of international private law of the Russian Federation. Moscow, 2006. 266 p. (In Russ.)

Fick B. J. International Labour Law. Cheltenham, 2016. 904 p.

Finnemore M., Hollis D. B. Constructing Norms for Global Cybersecurity. *The American Journal of International Law*, 2016, vol. 110, no. 3, pp. 425—479.

Get'man-Pavlova I. V. Conflict regulation in international private labor law. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2008, no. 1 (1), pp. 107—114. (In Russ.)

Get'man-Pavlova I. V., Kasatkina A. S. Conflict of Law Regulation of Marital and Family Relations in International Private Law in Russia. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2017, no. 1, pp. 92—110. (In Russ.)

Istomin N. A. Recognizing Legitimacy of ICANN's Internet Assigned Numbers Authority by States. *Mezhdunarodnyy pravovoy kur'er: elektronnoe setevoe izdanie*, 2020, no. 1 (16), pp. 15—21. (In Russ.)

Ivanov S. A. Problems of international labor regulation. Moscow, 1964. 343 p. (In Russ.)

Kasenova M. B. Legal regulation of cross-border operation and use of the Internet. Dr. diss. thesis. Moscow, 2016. 66 p. (In Russ.)

Kashin V. A. Tax agreements of Russia. International tax planning for enterprises. Moscow, 1998. 382 p. (In Russ.)

Khummel' R., Kozlov E. Yu. History of international tax law. *Finansovoe pravo zarubezhnykh stran*. Ed. by G. P. Tolstopyatenko. Moscow, 2001. 165 p. (In Russ.)

Kigan D. World War I. Moscow, 2002. 572 p. (In Russ.)

Kravchenko N. N. The idea of international legal regulation of factory labor in its historical development before the Berlin Conference of 1890. Tomsk, 1913. 283 p. (In Russ.)

Leary V. A. International labour conventions and national law: the effectiveness of the automatic incorporation of treaties in national legal systems. London, 1982. 191 p.

Merkulov E. S., Taranchuk I. V. International cooperation in the field of taxation and the fundamentals of international tax law. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 2004. 154 p. (In Russ.)

Mr"chkov V. International labor law. Sofia, 2000. 360 p. (In Bulgarian)

Mueller M. The IANA Transition and the Role of Governments in Internet Governance. *IP Justice Journal: Internet Governance and Online Freedom Publication Series*. 15 September 2015.

Mueller M., Badiei F. Governing Internet Territory: ICANN, Sovereignty Claims, Property Rights and Country Code Top Level Domain Names. *Columbia Science & Technology Law Review*, 2017, vol. XVIII, pp. 435—515.

Nefedov B. I. Dynamics of Changes in the Structure of Intersystem Legal Entities in the XIX Century. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 131—147. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.061

Nefedov B. I. Katekhizis aspiranta kafedry mezhdunarodnogo prava. Ed. by A. N. Vylegzhanin. Moscow, 2018. 462 p.

Pogorletskiy A. I. International taxation. St. Petersburg, 2006. 384 p. (In Russ.)

Raustiala K. Governing the Internet. *American Journal of International Law*, 2016, vol. 110 (3), pp. 16—33.

Reykhesberg N. International Factory Legislation. Khar'kov, 1905. 72 p. (In Russ.)

Secretariat Memorandum Prepared by the Directorate General of Legal Affairs. Expression of consent by states to be bound by a treaty. Part I: Analytical report. Strasbourg, 23 January 2001.

Shakhmamet'ev A. A. International tax law. Moscow, 2014. 824 p. (In Russ.)

Sorokina E. Ya. Fundamentals of international tax law. Moscow, 2000. 282 p. (In Russ.)

Tixier G., Gest G. Droit fiscal international. Paris, 1985. Pp. 445—455.

Weitzenboeck E. M. Hybrid net: the regulatory framework of ICANN and the DNS. *International Journal of Law and Information Technology*, 2014, vol. 22, iss. 1, pp. 49—73.

Winter J. A. Direct applicability and direct effect: Two distinct and different concepts in Community law. *Common Market Law Review*, 1972, vol. 9, pp. 425—438.

Zivs S. L. Sources of the Law. Moscow, 1981. 239 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Борис Иванович Нефедов, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, профессор департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, доцент. ResearcherID: F-4874-2016